

Любовь БОРУСЯК

Чтение как ценность в среде молодых российских интеллектуалов

Снижение ценности чтения в современном российском обществе воспринимается как факт, причем оцениваемый однозначно негативно. Вместо «самой читающей страны в мире» гуманитарные элиты стали называть Россию «обществом телезрителей», т. е. не самостоятельными субъектами, а пассивными объектами воздействия со стороны государства и подвластных ему СМИ. Уход со сцены интеллигенции как авторитетного социального субъекта, задающего культурные нормы, уменьшение социальной активности во всех социальных сферах, динамика социально-политических процессов, упрощение и атомизация социальной структуры — все это способствовало тому, что роль книги и чтения в обществе очень существенно снизилась¹.

Данные всероссийских опросов Левада-Центра показывают, что резко упали тиражи журналов, сокращаются размеры домашних библиотек, чтение становится все более маргинальным занятием. Действительно, за 19 лет — с 1990-го по 2009 г. число взрослых жителей России, читающих книги не реже 2-3 раз в неделю, сократилось с 29 до 22%, а тех, кто никогда их не читает, возросло с 19 до 36%, т. е. удвоилось². Всего за девять лет — с 2000-го до 2009 г. удвоилась и доля тех, кто никогда не покупает книги — с 30 до 60%, а вот число тех, кто приобретает книги регулярно за то же неполное десятилетие уменьшилось с 12 до 4%³. При этом 90% жителей России почти никогда или вообще никогда не посещают библиотеки, более 60% не берут книги у друзей и знакомых и 90% не скачивают книги из Интернета⁴.

¹ Эти процессы подробно рассмотрены в книге Б.В. Дубина и Л.Д. Гудкова «Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях» (Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2009), а также в многочисленных работах Б.В. Дубина и Н.А. Зоркой. См., например: Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Чтение — 2008: тенденции и проблемы. М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008.

² «Общественное мнение — 2009». Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2009. С. 134.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 134–135.

Из сакральной ценности — книга в доме показатель культуры семьи — книги все больше превращаются в обычный товар. Вот почему треть покупателей книг (34%) после прочтения выбрасывают их либо отдают друзьям или родственникам, чтобы те прочли и выбросили. Такое отношение к книгам — новое явление в нашей культуре. В результате всех этих процессов доля людей, не имеющих дома книг или имеющих случайный набор менее чем из 100 книг, выросла за последние 15 лет с 58 до 70%⁵.

Однако процессы перехода от одной системы ценностей к другой, разложение старых культурных кодов, как правило, происходят постепенно, затрагивая не все группы одновременно и в равной степени. В данной статье проводится анализ отношения к книге и чтению в переходной группе — представителей столичного среднего класса и в группе, по-видимому в наибольшей степени сохраняющей интеллигентские ценности, молодой столичной интеллектуальной элиты.

Книга и средний класс: на примере отношения молодых родителей к детскому чтению. Для того чтобы в общих чертах понять, какую ценность имеют литература и чтение для современных представителей (точнее, представительниц) среднего класса, обратимся к форумам популярного интернет-портала, участники которого высокообразованные, обеспеченные представительницы среднего класса, в возрасте 30–40 лет, преимущественно проживающие в Москве. Я отследила все записи, касающиеся этой тематики за 2009–2010 гг. Всего различных постов за это время появилось более 5 тысяч, но тематика книги и чтения, как правило, отсутствовала, а значит, чтение не является существенной частью жизни представительниц среднего класса. Лишь изредка попадаются просьбы посоветовать почитать что-нибудь «легкое, приятное и ненапряжное»⁶. Создается впечатление, что

⁵ Там же. С. 136.

⁶ Здесь и далее все высказывания отдельных лиц даются курсивом.

для них самих чтение не представляет особого интереса, практически не проблематизируется, оставаясь только возможностью приятно отдохнуть от профессиональных дел и забот.

Участницы обсуждений на этом портале придают огромное значение воспитанию своих детей. На родительско-детских форумах, которых очень много, ежедневно появляются десятки записей, касающихся буквально всех сторон жизни: выбора школы и вуза; состояния здоровья детей; многочисленных внешкольных занятий (музыка, рисование, спорт); вопросов, связанных с обучением в школе и вузе; психологических проблем взаимодействия родителей и детей; обсуждения темы «ребенок и компьютер (телевизор)»; покупки одежды и учебников; конфликтов между учителями и детьми, старшими и взрослыми детьми в семье, одноклассниками; организации праздника ребенку (или классу) и проч.

Разнообразие обсуждаемых проблем безгранично, хотя есть явно приоритетные. В первую очередь это относится к правильному выбору школы, поскольку для представителей группы очевидно: сильная школа дает ребенку хорошие возможности, чтобы успешно построить свою будущую жизнь и сделать карьеру, массовые же школы, которые презрительно именуют «дворовыми», как вариант практически не рассматриваются. Поскольку для этой группы родителей развитие детей, их будущее является приоритетной ценностью, я решила выяснить, насколько здесь проблематизируется проблема детского чтения. Иными словами, считают ли представительницы среднего класса выбор книг для детского чтения, решение проблемы отсутствия у детей интереса к чтению важными, ценностно окрашенными. Я проанализировала несколько тысяч постов и комментариев к ним за тот же период — 2009—2010 гг., чтобы выяснить: действительно ли такая проблема активно обсуждается? Я предположила, что выбор сильной школы как залог успешного будущего может сочетаться, составлять устойчивую пару с представлением о том, что успешный в будущем ребенок должен много читать, причем не просто читать, а читать «правильные», т. е. одобренные сообществом книги.

Первая же запись, касающаяся детского чтения, была такой: ее автор сетовала, что современная школьная программа стала чрезвычайно сложной, практически недоступной для детей. Второклассников заставляют учить наизусть стихотворение, половина слов которого недоступна пониманию восьмилетних детей,

и это безобразие, поскольку вся нагрузка по разъяснению непонятных слов падает не на учителей, а на родителей. И вообще, делает вывод автор записи, надо отказаться от таких произведений в пользу более современных, простых и понятных. Что касается текста, то это был хрестоматийный отрывок из «Евгения Онегина»: «Зима!.. Крестьянин, торжествуя...». В нем автор поста выделила полужирным шрифтом слова, неизвестные и ненужные, как она считает, современному ребенку: «торжествуя», «дровни», «почуя», «плетется», «рысью», «бразды», «взрываю», «кибитка», «удалая», «жучка» и проч. Таких слов в этом отрывке оказалось ровно половина, если не принимать во внимание предлоги и союзы.

Приведенное мнение можно воспринимать просто как забавный казус, но в нем отражается действительно серьезное изменение ситуации: русская классическая литература, считавшаяся сакральным отражением национальной культуры, десакрализована. Для вполне образованных молодых женщин, а не только для их детей, это уже просто набор текстов, не несущих особой ценностной нагрузки, но более или менее удачных. В данном случае текст был воспринят как неудачный, потому что оказался непонятным. Даже пушкинский текст — а фигура Пушкина до сих пор еще воспринимается как главный символ русской культуры — перестает нести на себе какие-то ценностные нагрузки, и это очевидное свидетельство происходящих изменений, ухода старой ценностной системы.

Анализ всех записей на родительско-детских форумах показал, что лишь единицы из них посвящены чтению, которое явно уходит с авансцены проблематизации и рефлексии. В каких же случаях это все-таки происходит? Анализ интернет-дискуссий позволяет сделать вывод, что матери современных школьников, подростков, образованные представительницы среднего класса, сами находятся в двойственной ситуации. Первая группа — хранители старой интеллигентской системы ценностей, которая предполагает интерес к чтению у них самих и у их детей, вторая — это женщины новой формации, для которых чтение утратило свою сверхценность, а порой и ценность вообще. Представители первой группы изредка обращаются к участникам форума с тревожными вопросами: *«Ребенок не читает! Что делать? Означает ли это, что из него вырастет тупица?»* И очень показательно, насколько четко разграничиваются группы ответов. Никто в первой группе, конечно, не соглашается с тем, что без чтения ребенок

вырастет «малокультурным тупицей» — возможно, из соображений вежливости и корректности. Но они полагают, что родители должны пытаться приобщить ребенка к чтению, найти для этого какие-то способы. Наиболее частый вариант, достаточно нейтральный такой: «Ничего страшного, ему не попала ТА книга; как попадет, начнет читать». Правда, на резонный вопрос «Как же она попадет, ТА книга, если ребенок вообще не читает?», ответа не следует, предлагают просто подождать, будучи уверенными, что это когда-нибудь случится. Некоторые приводят примеры из собственной жизни: «Мой тоже не читал, но попались комиксы интересные, теперь не успеваю покупать». Принципиально важно, что практически не имеет значения, что именно будет читать ребенок, лишь бы читал — это ценность сама по себе.

Из той же серии ответы, что надо пересказывать книги, тогда хоть что-нибудь запомнит, а может быть, ему захочется прочесть самому; либо начинать читать и останавливаться в самом интересном месте, чтобы заинтригованный ребенок не выдержал и продолжил чтение. Предложение по типу телесериалов, где используется именно такой прием — серия прерывается на самом интересном месте. Как мы помним, так же поступала и Шахерезада.

Но не менее, а зачастую более многочисленное число комментариев носит совсем иной характер. Автору предлагают не волноваться и не расстраиваться: совсем не обязательно читать, чтобы стать образованным и культурным человеком. Желаемого можно добиться совсем другими способами: побольше разговаривать с ребенком, водить его на выставки, в театры и проч. Это вариант разнообразия культуры, но все же имеющий отношение к старой интеллигентской системе ценностей: все элементы «высокой» культуры одинаково важны, но они взаимозаменяемы. Более прагматичный и более «современный» вариант — предложения заменить книги их аудио- и видеоаналогами: «Ну, купи ей аудиокнигу, пусть слушает, какая разница?», «Пусть фильмы или мультики смотрит, это не хуже», «В конце концов, если очень хочешь, купи книги (их сейчас полно), где дается краткое содержание книг — уже неплохо, представление будет иметь».

Но в большом количестве ответов заметна уже ценностно противоположная позиция, в них открыто постулируется, что книги не вносят особого вклада в общую культуру: «А что в нечтении такого трагичного?», «Ну, не читает и не надо», «Мы сами читающие с мужем, но не

будет ребенок читать — ничего страшного, будет какое-то другое хобби», «Не парься, ВКонтакте у половины указано “Ненавижу читать!!!” там, где спрашивают о любимых книгах», «Да отстань ты от нее, я тоже раньше приставала, а он: “Да отстань ты, да на фига мне читать эту мутотень пыльную, когда у меня в жизни события похлеще происходят”. А что, ведь прав». При этом, как на позитивный результат активного неприятия чтения, принято ссылаться на своих мужей, друзей, родственников, которые ничего не читают, но являются исключительно интересными, внутренне богатыми и просто обеспеченными людьми, душой компании: «А некоторые (мой бывший муж, в частности) худ. литературу не читают вовсе, что никак не мешает им быть энциклопедически образованными личностями и очень интересными собеседниками», «Мой муж не любит читать и никогда не любил. И что? Успешнейший, умный человек с двумя в/о». Но если позитивные примеры высококультурных нечитающих людей приводятся часто, то собственные примеры очень редко — это еще очень сложно делать, старые нормы разложились далеко не полностью: «Последнюю серьезную книжку прочла в институте по программе. Максимум что читаю — толстые журналы типа “Караван” и то редко».

Конечно, когда пишут о том, что есть успешные примеры «бескнижного» формирования культурного человека, в ответах чувствуется своего рода оправдание, ощущение, что это все-таки легкая девиация, не так должно быть в норме. Примеров такого рода очень много, и в них ясно видна двойственность современной ситуации: не случайно практически всегда присутствуют проективные варианты, когда положительные результаты демонстрируют на примере других уважаемых людей (всегда мужчин), но не на собственных. Пока еще многим образованным людям очень трудно признать, что они не читают.

Но есть и третья группа, которую составляют те, кто честно и откровенно признается: книжная культура больше не имеет ценности. В частности, автора одного поста обвинили в следующем: «Ты что, не понимаешь, — это советское воспитание в тебе говорит». Т. е. происходит прямая ссылка на устаревшую систему ценностей, уже не действующую в современной России. Сюда же примыкают и те, кто утверждает, что чтение вредно для здоровья: «Когда мы учились в школе, все читали. Теперь 80% ходят в очках. Радуйся, что не читает, — здоровее будет». Такие высказывания вызывают активные

дискуссии, но не о полезности чтения, а о том, действительно ли оно так пагубно для нежного детского (да и взрослого) зрения. Иными словами, из сферы культуры дискуссия переходит в сферу медицины, т. е. ценностно не окрашенную. И это очень сильное свидетельство десакрализации чтения как неотъемлемой принадлежности русской культуры.

Но кроме домашнего чтения существует и обязательное, школьное. Практически все представительницы среднего класса, участвующие в интернет-форумах, единодушны: школа не прививает интерес к чтению, а скорее вызывает к нему сильное отвращение. Их не удовлетворяет набор канонических текстов, а это в основном русская классика, они оценивают его как устаревший, неинтересный и недоступный современным детям и подросткам. Изредка обсуждается тема: заставлять ли детей читать книги, входящие в школьную программу? Здесь мнения разделяются, но представительницы разных групп едины в одном: книга – это необходимая в обучении вещь, но не вызывающая интереса и эмоциональных реакций. Книга в их восприятии напоминает горькое лекарство: пить тяжело, а иногда и противно, но лечиться-то, т. е. учиться, надо. Поэтому одни матери заставляют детей и подростков читать литературу по школьной программе, применяя санкции, иногда достаточно строгие (вроде лишения телевизора или компьютера), проверяют знание текста и проч. Другие же, и их не меньше, рассказывают детям, опираясь на собственные школьные воспоминания, о чем та или иная книга, короткие тексты зачитывают вслух, покупают фильмы-экранизации, а также сборники, где школьная программа представлена в кратком изложении. Вообще говоря, пользоваться такого рода суррогатами великой русской классики стало уже нормой, которая не вызывает моральных возражений. Принято даже шутить (без всякого осуждения) на эту тему, рассказывая о ляпах, которые допускают дети в школьных сочинениях: «Он *“Донкий Ход”*, так и написал. Но это действительно трудно читать», «У него на дуэли Ленский убил не понятно кого. Бывает».

Еще одно доказательство снижения ценности чтения сегодня – разнообразные шутки, преимущественно сексуального характера, подтверждающие и легитимирующие это явление. В основном они связаны с тем, что чтение – это необязательно художественная литература, которая вызывает у ребенка скуку: «*Дай ей книгу про секс. Читает как миленькая! До дыр зачи-*

тает», «*Ох, как я читала медицинское репринтовое издание по лечению сексуальных расстройств у семейных пар! В 11 лет между прочим»*, «*А вот “Декамерон” меня разочаровал, понравился гораздо меньше»*, «*Я мемуары Казановы в те года прочитала, помню только одну сцену – но В ПОДРОБНОСТЯХ»*, «*И я, ну как же, наслаждения. Сила вещь!»*».

Иными словами, существует литература для удовольствия, и школьная литература, классика, – скучная, непонятная и в общем ненужная. Художественная литература в массовом сознании все более становится необязательной частью культуры, находящейся в одном ряду, а то и уступающая по своей значимости гораздо более увлекательным и приятным занятиям детей и взрослых. Сами представительницы среднего класса часто еще позиционируют себя как читающих, но уже не обсуждают книги, не просят совета о чтении, за исключением чего-то легкого, расслабляющего. Для них это отчасти еще «женская норма», но не мужская – на примере своих мужей они показывают, что современный мужчина успешно развивается без всякой книжной культуры. Двойственность ситуации характеризуется и на примере отношения женщин к чтению их детей, т. е. межпоколенческой трансляции этой ценности. Здесь мнения разделились, но более выраженной является все же нейтральная позиция (читать не обязательно, но лучше все же читать), а иногда и демонстративно-негативная: ценность чтения – это наследие советского воспитания и советской (устаревшей) системы ценностей.

Если средний класс демонстрирует распад старой системы ценностей, маркированной необходимостью принадлежать к книжной культуре, то очевидно, что это тем более относится к «ниже» расположенным слоям общества: менее образованным, менее обеспеченным, менее столичным и проч.

В каких же слоях, группах еще можно обнаружить высокую ценность книги и чтения? Если они, конечно, еще сохранились. Я предположила, что чтение должно представлять наиболее высокую ценность для представительниц высокоинтеллектуальной молодежной среды. Это достаточно замкнутая и стремящаяся к собственной выделенности среда, которой необходимо подчеркивать свою элитарность. Принадлежащие к ней молодые люди являются наиболее продвинутыми с разных точек зрения – как уровня образования, так и владением современными ИТ-технологиями и многим другим, но я предположила, что и гуманитарная

составляющая должна представлять свою ценность, а поскольку другие группы теряют интерес к книге, то здесь, наоборот, должны ее сохранять.

Поэтому было решено выяснить два обстоятельства. Во-первых, действительно ли книги, чтение представляют для них высокую ценность. А во-вторых, каковы читательские предпочтения этой группы, а точнее, какие идеи и ценности характерны для круга чтения ее участников. Прежде всего мне хотелось проверить гипотезу о том, насколько инновационны эти предпочтения, свидетельствуют ли они о том, что интеллектуальная молодежная среда с помощью литературы вырабатывает новые идеи, не свойственные представителям более старших поколений.

Книга и чтение в среде молодых московских интеллектуалов: основные характеристики участников исследования. Для решения этих задач я обратилась к популярной социальной сети «В Контакте»¹, которой очень активно пользуются молодые люди. Каждый участник сети заполняет (полностью или частично) свою «визитную карточку», где помимо информации о своем возрасте, образовании, месте работы и учебы, религиозных и политических взглядах, семейном статусе сообщает сведения о вкусах и предпочтениях, и эта информация может быть проанализирована с точки зрения их ценностной системы. Вообще, участник этой сети может сообщить о себе чрезвычайно много: здесь размещены и фотографии, и видеоролики, есть ссылки на любимые музыкальные произведения и проч. Кроме того, там представлена информация, которая формулируется «В Контакте» как «интересы»: то, что для этого человека важно в жизни, что и кого он любит². Также в этой своеобразной анкете есть вопросы о любимых занятиях, фильмах, телепрограммах и т. п. Естественно, есть и графа «любимые книги». Именно потому, что «В Контакте» дает максимально подробную информацию о человеке, было решено проанализировать данные об участниках сети. К тому же это очень популярная в молодежной среде сеть: сегодня в ней участвуют большинство активных интернет-пользователей.

¹ Выше была приведена цитата из интернет-дискуссии представительниц среднего класса, где сказано, что у половины подростков в этой сети написано: «Ненавижу читать!».

² Достаточно типичным «интересом» бывают не только какие-то занятия, но и живые существа: например, «*моя любимая Юлька*», «*муж Серега*», «*Моя кошка Дашка*», «*Моя покойная крыска*».

Для того чтобы отобрать интернет-анкеты людей, принадлежащих к интересующему меня кругу, я решила проанализировать анкеты всех «друзей»³ одного из участников социальной сети, молодого человека в возрасте 21 года, выпускника математического класса одной из московских школ, ныне аспиранта и преподавателя Финансового университета при Правительстве РФ (бывшая Финансовая академия), а также студента-магистранта Российской экономической школы. В связи с тем, что он одновременно принадлежит к большому кругу только частично пересекающихся сообществ, количество «друзей» у него весьма значительное – 694 человека. Такого количества оказалось достаточно, чтобы произвести статистические расчеты, поскольку примерно половина анкет заполнена не полностью, а еще некоторая часть закрыта для просмотра.

Что представляет собой группа отобранных мною респондентов? Это молодые люди от 18 до 28 лет (преимущественно от 20 до 24), 53% – мужчины, 47% – женщины. Все они либо имеют высшее образование, либо учатся в вузе, причем более трети уже продолжают свое образование – учатся в аспирантуре или получают второе высшее образование. Практически все они студенты или выпускники престижных московских (незначительная часть – санкт-петербургских) вузов: МГУ, Финансовый университет, МГИМО, ГУ-ВШЭ, ЛЭТИ. Лишь менее 10% получили или получают гуманитарное образование (историческое, филологическое, философское), остальные – экономическое, физико-математическое, психологическое, лингвистическое⁴. Многие из этих людей незнакомы между собой, но все они так или иначе принадлежат к группе наиболее продвинутых молодых интеллектуалов, не относящихся к молодой гуманитарной элите. Для меня это важно, поскольку, скорее всего, у филологов все-таки профессионально

³ Понимание «друзей» в социальных сетях весьма существенно отличается от обычной, внесетевой ситуации. «Друзьями» «В Контакте» становятся следующим образом: любой участник этой сети обращается к другому участнику с просьбой включить его в число «друзей», тот может принять предложение или отклонить его. Только затем появляется возможность видеть личную информацию участника. Естественно, что это, как правило, люди, знакомые между собой, чем-то объединенные – например, совместной работой или учебой, родством или общими досуговыми интересами. У меня такая возможность появилась благодаря помощи моего сына, Кирилла Боруська, за что я выражаю ему большую благодарность.

Самостоятельный, практически неизученный и очень интересный вопрос: изменение самого значения понятий «друзей» и «дружбы» в онлайн- и офлайн-общении.

⁴ Есть также небольшое количество музыкантов и юристов.

специфическая структура читательских предпочтений.

Абсолютное большинство этих молодых людей выросли в семьях того класса, который назывался советской интеллигенцией, у всех родители имеют высшее образование. Сами участники уверены в своих возможностях получить высококачественное образование, найти интересующую их работу, нередко в бизнесе или науке, достойно зарабатывать. Они не нуждаются в социальных лифтах и не сомневаются, что будущее в их собственных руках, причем не зависит напрямую от социально-политической ситуации в России. Некоторые из них хотели бы продолжить обучение за рубежом, в хороших университетах США или европейских стран, причем имеют возможность получить для этой цели стипендию. Жесткая ориентация на эмиграцию для них не типична: все будет зависеть от обстоятельств, от того, где им будет удобнее и интереснее работать.

Какие характеристики оказались общими для всей этой группы? Прежде всего выраженный интерес к своей работе или учебе, серьезная мотивированность в этой области. Практически все, заполняя анкету на личной страничке «В Контакте», в сфере интересов указывают свою уже приобретенную или будущую профессию, студенты сообщают о своем интересе к учебе. Понятно, что такая высокая профессиональная или учебная мотивированность, заинтересованность нехарактерны для представителей менее продвинутых групп молодежи.

Если говорить о других характеристиках такой группы, то основная часть этих молодых людей не испытывают интереса к политике. Треть из них просто не включили в анкету сведений о своих политических взглядах (т. е. полагают, что тут и говорить не о чем), еще около трети (см. табл. 1) определили свои взгляды как индифферентные или умеренные, что в данном контексте почти синонимично. Почти каждый пятый сообщил о своих либеральных взглядах и столько же — о монархических, консервативных, коммунистических, т. е. «левые» и «правые» представлены практически равным числом молодых интеллектуалов. Обращает на себя внимание большое число «монархистов» в этой группе — 8%. Вряд ли среди них действительно много сторонников перехода России к монархическому строю, скорее это форма выражения протеста современному политическому устройству.

Таблица 1
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС О ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ (в % в порядке убывания)

Самоопределения	В % к итогу
Либеральные	19,5
Индифферентные	17,5
Умеренные	13,0
Монархические	8,0
Ультраконсервативные, консервативные	5,0
Коммунистические, социалистические	4,0
Не ответили	34,0

Представляется существенной крайне слабая ангажированность этих молодых людей в политическую жизнь. Среди самых разнообразных «интересов», указанных в анкетах, политика отмечается менее чем в 10% анкет. Для основной части этих молодых людей политические обстоятельства жизни России никак не пересекаются с их собственной жизнью и карьерой, хотя некоторые люди, не указывая на интерес к политике, отмечают свою любовь к России, чувство патриотизма. По-видимому, в их сознании эти обстоятельства между собой практически не связаны.

Во время массовых опросов большинство жителей России сообщило о своей религиозной принадлежности. В 2009 г. 73% взрослых россиян называли себя православными, еще 7% адептами других религий и лишь 6% указали, что они атеисты¹. В молодежной высокоинтеллектуальной среде интерес к религии, «мода» на религию выражены гораздо слабее (см. табл. 2). Более 40% просто опустили ответ на этот вопрос в своей интернет-анкете, сочтя его совершенно несущественным. Только 17% назвали себя православными и 2,5% принадлежащими к другим религиям, в то время как 20% — атеистами или агностиками. В этой среде религиозность или ее отсутствие не проблематизируются с точки зрения статусности, престижа, ничего не добавляют, но и не отнимают в этом смысле. Немного выше, как и в других слоях, доля православных среди девушек, а также среди тех, кто называет себя монархистами.

Заполняя анкету в социальной сети, ее участник предьявляет себя сообществу. «Визитная карточка» — это всегда позиционирование себя другим, вовне. Естественно, в таком случае участники ориентируются не только на собственные представления о том, какой ты есть,

¹ «Общественное мнение — 2009». Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2009. С. 141.

Таблица 2
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС О РЕЛИГИОЗНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ (в % в порядке убывания)

Самоопределения	В % к итогу
Православие	17,0
Атеизм	15,5
Индифферентное отношение	11,0
Агностицизм	4,5
«Верю в себя»	3,5
Другие религии	2,5
Светский гуманизм	2,5
В принципе, верю	1,0
Не ответили	42,5

но и на то, каким надо быть, т. е. на мнение обобщенных значимых других. Иными словами, через предоставленную о себе информацию участник сети встраивается в некую референтную группу, какой он ее себе представляет. Здесь есть характеристики, не имеющие какой-то нормативно-ценностной окраски — например, религиозная принадлежность, но есть и четко маркируемые как престижные и непрестижные. К числу непрестижных относится принадлежность к телезрителям. Сообщать о том, что ты активно смотришь телевизор, абсолютное большинство молодых интеллектуалов считает для себя невозможным.

Отмечу, что представители молодых возрастных групп действительно смотрят телепрограммы гораздо меньше, чем люди более старших возрастов. Об этом свидетельствуют данные телемониторинга компании TNS Gallup Media. Это связано и с тем, что молодые люди уделяют гораздо больше времени внедомашнему досугу, и с тем, что очень много времени находятся в Интернете, в тех же социальных сетях. Эти обстоятельства характерны и для молодых интеллектуалов, но на первом месте все же остается непрестижность этого занятия. Такие люди позиционируют себя как продвинутых и активных, и рядовой телезритель с их точки зрения — полная им противоположность, т. е. пассивный и малоинтеллектуальный. В этом смысле позиция юных интеллектуалов полностью смыкается с позицией представителей взрослых интеллектуальных элит.

Лишь незначительная часть молодых интеллектуалов включает в свои анкеты строчку о любимой телепрограмме, в большинстве анкет ее просто нет, что символически свидетельствует об отсутствии интереса к такой деятельности. Некоторые эту позицию в анкету все же включают, желая специально подчеркнуть, что

телевизор они не смотрят: «телевизор выкинул», «не смотрю уже года полтора», «да и названий-то не знаю — не смотрю зомбящик», «даже не знаю, что сказать... Смотрю от скуки иногда, но ничего любимого нет». Среди моих респондентов немалая часть участвует в соревнованиях по интеллектуальным играм, популярным в этой среде. Они указывают, что смотрят по телевизору «Что? Где? Когда?» и «Свою игру». Относительной популярностью пользуются юмористические программы «нового поколения», появившиеся на экране в последние годы, прежде всего «Прожекторперисхилтон». Есть поклонники и у КВН, которому уже более 50 лет, и у некоторых других передач. Но в целом молодые интеллектуалы стремятся подчеркнуть свою элитарность путем отстраивания от «зомбящика».

Что же они считают важным сообщить о себе? Практически во всех интернет-анкетах, в которых содержится полная информация, есть сообщения о занятиях спортом, во многих также указывается, что человек является спортивным болельщиком, — это престижно. Практически универсальной является любовь к музыке. Естественно, не к презираемой этой группой «попсе», а к классике, джазу, авторской песне, русскому року, зарубежным группам и проч. Значительная часть этих молодых людей в детстве получила музыкальное образование, и сейчас играет на каких-то музыкальных инструментах, особенно часто на гитаре, поет. Не обошла их и повальная современная мода на занятия танцами. Именно занятия, а не просто посещение клубов, это они указывают редко. Массовым является также интерес к путешествиям, фотографированию. Многие увлекаются походами, городским ориентированием, ориентированием на местности. Популярность этих занятий связана с тем, что многие из них окончили известные математические школы. Там начиная с 1960-х гг. традиционно приобщали школьников к туризму, увлечение которым сохранялось у них на многие годы. Молодые люди этой группы регулярно ходят в кино, скачивают фильмы из Интернета и приводят в анкете длинные списки своих любимых фильмов, где новейшее кино обычно соседствует с интеллектуальным кино прошлого и арт-хаусным современности. Присутствуют в анкетах этих молодых людей, хотя и в менее массовом порядке, сведения о театрах, выставках, отмечается любовь к архитектуре и проч.

Книги и чтение как ценность для молодых интеллектуалов. Анализ анкет молодых интеллектуалов показывает, что одним из наиболее важных и престижных занятий в этой среде является чтение. Книги, чтение как ценность появляются уже в графе «интересы», их указывают в числе других любимых занятий более половины участников этого исследования. Нередко чтение специальным образом выделяется как особо важное, любимое занятие. Напротив, в одной-единственной анкете написано «не сохну по чтению» (студент Финансовой академии, 21 год), и на общем фоне это выглядит проявлением нонконформизма, почти противопоставлением себя референтной группе, для которой характерны высказывания совсем другого рода. На вопрос о любимых книгах следуют такие ответы: «*Это глупая графа. Как можно выбирать, кто лучше: мама или папа? А вообще я люблю книги, особенно те, которые преобразуют мои неясные и неупорядоченные соображения во что-то стройное, членораздельное*», или «*обожаю читать — много-много*», или «*Мне приятны книги, которые несут мысль или концепцию, которые заставляют меня думать и меняться, становиться другой. Или просто истории, которые интересно прочесть, чтобы испытать свое воображение и насытить его образами. Бессмысленная хрень отправляется в урну или на дальнюю полку... да и то не мою*», «*Книги — мои самые интимные собеседники. Говорить о таком всем подряд некорректно*», «*Мне нужны книги, чтобы можно было задуматься, пофантазировать, узнать, подняться выше*», «*Обожаю жизнь, книги и все, что с ними связано*».

Итак, книги и чтение для молодых интеллектуалов имеют очень серьезное ценностное наполнение. При этом даже неважно, действительно ли они являются активными читателями или в своих анкетах пытаются произвести благоприятное впечатление на референтную группу. По-видимому, индивидуальное и групповое здесь тесно взаимосвязано. В отличие от среднего класса, находящегося в ситуации ухода старых ценностей, который или уже пережит, или драматически переживается, здесь этого ценностного слома пока не происходит. В этом кругу принято говорить о книгах, спрашивать совета, что почитать, да и сама информация участников о любимых авторах учитывается другими как руководство для чтения. Точно так же осуществляется поиск музыкальных произведений, которые находят на страничках участников сети, вызывающих уважение.

Вскоре после того, как произошел набор нового класса Российской экономической школы,

куда приходят в магистратуру преимущественно выпускники МГУ, Физтеха и ГУ–ВШЭ, на страничке этого класса «В Контакте» появился запрос: «*Прошу мне порекомендовать, что хорошего почитать*». Сразу же появилось много советов: «*Альбера Камю почитай. “Постороннего” или “Чуму”. Но лучше сначала “Постороннего”, “Ионеско — “Лысая певица”*», «*Ионеско — да! Можно еще Беккета “В ожидании Годо”*», «*Умберто Эко — “Имя розы”, “Маятник Фуко”... — вумная развлекуха. Пруста, но на него надо время. Джойса, но на него тоже:*»), «*“Игра в бисер” — это вещь*», «*+сто¹ под “Москва — Петушки”, а из Гессе, кроме “Игры в бисер”, мне понравился “Степной волк”*» и проч. Люди только начали знакомиться, и для них важнее не столько дать совет по чтению, сколько показать свое место в новом интеллектуальном континууме, и они делают это в том числе с помощью книг, что было типично для советской интеллигенции. Гессе, Ионеско, Беккет, Пруст и Джойс здесь не столько авторы литературных произведений, сколько отражение попытки молодых людей дать легко считываемые с помощью культурных кодов самохарактеристики. Именно поэтому задан повышенный уровень сложности литературных образцов.

А теперь попробуем проанализировать круг авторов, которых молодые интеллектуалы чаще всего указывают в своих анкетах. Насколько эти читатели проникают в глубину культурного пространства, насколько новыми являются те идеи, которые интериоризировали молодые интеллектуалы, на какие социальные группы как референтные они ориентируются?

Авторы — лидеры чтения молодых интеллектуалов. В ходе исследования были отобраны все анкеты, в которых присутствовал список любимых книг. Это могли быть названия конкретных произведений, но чаще называются любимые авторы. Если в одной анкете называлось несколько произведений одного автора, то это считалось одним упоминанием. Всего было проанализировано 1683 упоминания 385 авторов (см. табл. 3).

Если сравнивать структуру читательских предпочтений молодых интеллектуалов с предпочтениями россиян в целом, то мы видим принципиальные, коренные отличия. По данным мониторинга Левада-Центра, среди пред-

¹ «+1», «+100» и проч. означает, что человек в высшей степени поддерживает какую-то мысль или какое-то соображение. В этом случае имеется в виду, что книга «Москва — Петушки» обязательно должна быть прочитана, если до сих пор ее еще не прочли.

Таблица 3
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ ПО ГРУППАМ ЛИТЕРАТУРЫ
 (число ответов)

Вариант ответа	Число авторов	Число упоминаний	Среднее число упоминаний на 1 автора
Русская дореволюционная классика	16	157	9,8
Русская проза XX в.	51	205	4,0
Современная русская проза	23	93	4,0
Зарубежная классика	44	147	3,3
Переводная проза XX в.	119	637	5,4
Поэзия	52	137	2,6
Фантастика, фэнтези	50	228	4,6
Детективы	4	15	–
Детская литература	26	64	–
Всего	385	1683	4,4

почитаемых жанров в 2008 г. лидировал «женский детектив» – 28%, далее следуют российские боевики – 24%, историко-приключенческая классика – 23%, любовные романы – 19%, русская советская классика – 15%, а также современная историческая проза, классические зарубежные детективы и русская дореволюционная классика – по 14%.

Все «низкие» жанры – любовные романы, детективы, боевики – в интернет-анкетах молодых интеллектуалов отсутствуют или практически отсутствуют, нет здесь и современной исторической прозы, книг о Великой Отечественной войне. Даже популярный детективный жанр получил всего лишь 15 упоминаний, причем 11 из них относится к классикам жанра – А. Конан Дойлу и Агате Кристи.

Неужели структура чтения молодых людей, интернет-анкеты которых я анализирую, не имеет точек соприкосновения с остальной читательской аудиторией? Конечно, они представляют собой узкую группу, не только выделяющуюся по большинству показателей, но и стремящуюся выделиться, но все же различия уж очень радикальны. Я не сомневаюсь, что эти молодые люди читают самую разную литературу, но – и в этом их отличие от других групп – книги, авторы, жанры для них до сих пор четко маркированы дихотомиями «высокое», т. е. достойное, и «низкое», т. е. недостойное. В этом смысле они вполне соответствуют

представлениям интеллектуалов XIX в., которые «Белинского и Гоголя» с базара понесут, поддержанными и продолженными советской интеллигенцией. В свои анкеты молодые люди, естественно, вносят не все, что они читают: туда входят только те произведения и те авторы, которые позитивно воспринимаются на индивидуальном уровне и которые, по мнению участников, будут признаны и высоко оценены референтной группой.

Иными словами, названные любимыми авторы и произведения, скорее всего, действительно прочитаны и понравились, но все, что воспринимается или может быть воспринято как трэш, недостойное или случайное, отбраковывается. Такая литература воспринимается как недостойная статья визитной карточкой интеллектуального человека. Возможно, и чтение подобной литературы вызывает внутренний конфликт между должным (читать Джойса и Кафку) и недолжным. Разрешается этот конфликт тем, что есть настоящая литература, а есть чтиво для отдыха, расслабления, но к литературе с большой буквы оно отношения не имеет, а потому называть это «чтиво» в своей анкете нельзя. Тем не менее такая система ценностей предполагает, что читать серьезную литературу надо, а иначе человека нельзя назвать культурным. Выше было показано, что представительницы среднего класса такую точку зрения если и разделяют, то лишь в слабой степени.

Если говорить о структуре названных писательских имен, то по числу авторов русская классика составляет лишь 4%, но по числу упоминаний ей принадлежит 9,3% (см. табл. 4), что достаточно много. Часто назывались только два русских писателя – Достоевский и Толстой, за ними с большим отрывом следуют еще два – Чехов и Бунин (получившие по 12 упоминаний). Всех остальных русских классиков после окончания школы обычно забывают. Такая высокая концентрация ответов вокруг двух-четырех имен приводит в этой группе к очень большому числу упоминаний в расчете на одного автора – в среднем 10 упоминаний против 4,4 по всему массиву в целом. Обращает на себя внимание тот факт, что имя Пушкина крайне редко упоминается как среди имен прозаиков, так и поэтов. Это является своеобразным подтверждением «честности» сообщений в анкетах. Дело в том, что когда я решила с представителями этой группы повторить игру «Три книги, которые ты возьмешь с собой на необитаемый остров», то имя Пушкина сразу появилось в ответах, поскольку речь шла уже о ценностях в чистом виде.

Гораздо большим разнообразием имен представлена русская литература XX в.: здесь названо уже 51 имя, а вот число упоминаний невелико — 205, что по количеству сопоставимо с русскими классиками, имен которых в 3,5 раза больше. Это означает, что русская литература XX в. получила крайне мало знаковых, маркирующих имен, для этого круга существует очень мало писателей, которых «надо прочесть обязательно» для поддержания групповой идентичности. Фактически таких имен всего три — Михаил Булгаков (62 упоминания), Владимир Набоков (18) и Сергей Довлатов (14). Далее идут авторы, которых назвало менее 10 человек, а значит, никакого массового интереса эти имена не представляют. Из дискурса молодых интеллектуалов (и, вероятно, молодых неинтеллектуалов тем более) практически ушел весь массив советской литературы: от Зощенко до Трифонова, имен которых не указал ни один человек из трех сотен. Они не читают, не знают и не хотят знать ни городскую прозу, ни прозу шестидесятников (за исключением, может быть, Василия Аксенова), ни деревенскую, ни военную прозу, об авторах, принадлежащих к соцреализму, и говорить не приходится.

Создается впечатление, что все эти писатели совершенно не важны для молодых интеллектуалов, т. к. отражают ценности ушедшей и не представляющей никакого интереса эпохи.

Таблица 4
КОЛИЧЕСТВО АВТОРОВ И УПОМИНАНИЙ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ГРУППАМ ЛИТЕРАТУРЫ (в %)

Вариант ответа	Число авторов	Число упоминаний
Русская классика	4,2	9,3
Русская проза XX в.	13,2	12,2
Современная русская проза	6,0	5,5
Русская проза – всего	23,4	27,0
Зарубежная классика	11,4	8,7
Переводная проза XX в.	30,9	37,9
Зарубежная проза – всего	42,3	46,6
Поэзия	13,5	8,1
Фантастика, фэнтези	13,0	13,6
Детективы	1,0	0,9
Детская литература	6,8	3,8
Всего	100	100

Современная русская проза представлена 23 именами, т. е. 6% авторов, еще меньшую долю (5,5%) занимают их упоминания. Часто

приходится слышать «о культовых именах» современных российских писателей, причем имена называются самые разные. Анализ интернет-анкет молодых интеллектуалов показывает, что достаточно массовый интерес вызывает только В. Пелевин (21 упоминание), кстати называются самые разные его произведения, т. е. их действительно знают и читают. На второй позиции оказался Борис Акунин с 11 упоминаниями, причем его произведения этой группой (в отличие от остальных) оцениваются не столько как детективы, сколько как интересная литературная игра. Далее идут книги Е. Гришковца всего лишь с восемью упоминаниями, у остальных современных российских писателей не нашлось и пяти поклонников. Интересно, что такой мощно присутствующий в критическом дискурсе писатель, как В. Сорокин, не был назван ни разу.

Современная литература проходит мимо молодых интеллектуалов, не относящихся к гуманитарной сфере. Сложно сказать, с чем это связано: с отсутствием в произведениях идей, находящих отклик у представителей данной группы, к недостаточной нормативности, ценностной «помеченности» произведений, с отсутствием у таких молодых людей ценности нового в духовной сфере, с тем, что нет обмена информацией между гуманитарным и негуманитарным кругом молодежи? Уверена только, что это не связано с излишней сложностью произведений современных писателей, их недоступностью для понимания молодыми интеллектуалами.

В целом лишь 23% писательских имен и 27% упоминаний приходится на русскую литературу, гораздо более активно представители этой группы читают литературу зарубежную: 42% имен, 47% упоминаний. При этом зарубежная классика мало привлекает молодых интеллектуалов: и имен здесь называлось немного — всего 44 (11,4%), и особенно упоминаний — 147, практически столько же, сколько упоминаний русских классиков при гораздо меньшем количестве их имен. Молодые люди, вкусы которых я изучала, не испытывают особого интереса к «старой» зарубежной литературе, этот пласт для них лишь немного приоткрыт. Так, литература XVIII в., не говоря уже о более ранней, ими совершенно не освоена, слабый интерес для таких читателей представляет и литература XIX в. Глубина проникновения в пласты культуры поразительно мала, да и интереса к образцам культуры прошлого они почти совершенно не проявляют. Среди зарубежных писателей XIX в. с 18 упоминаниями

ниями лидирует Александр Дюма, а это ведь отголоски детских увлечений мушкетерами и «Графом Монте-Кристо», не более.

Совсем другая ситуация с зарубежной литературой XX в. — именно она наиболее привлекательна для молодых интеллектуалов, наиболее ими освоена и именно ее они хотят читать, расширяя свои представления за счет новых имен и произведений. На зарубежную литературу XX в. приходится более 40% имен писателей и почти половина упоминаний. Здесь нет какого-то четкого, нормативно заданного круга имен и произведений, хотя и присутствуют явные лидеры. Зарубежная западная литература, лишь чуть-чуть разбавленная именами латиноамериканских писателей, воспринимается молодыми читателями как неограниченный континуум: его они хотят узнать получше, в него готовы глубже проникнуть. Риску предположить, что эта литература данной группе гораздо ближе и понятнее, чем советская, которая кажется чужой, слишком привязанной к ушедшим реалиям. Никакой подобной нагрузки переводная литература XX в. в сознании этих молодых людей на себе не несет. Напротив, именно с ней связаны самые позитивные коннотации. Вот почему можно говорить о том, что молодые интеллектуалы в гораздо большей степени чувствуют себя «западными» людьми, чем наследниками советской эпохи.

Само понятие «книга» для основной части молодых интеллектуалов сегодня ассоциируется с прозой, а не с поэзией. Хотя имен поэтов называется немало — 52, столько же, сколько русских прозаиков XX в., но в основном это очень малочисленные упоминания. Поэтому если в числе авторов поэты занимают 13,5%, то в числе упоминаний только 8%. Причем называют, как правило, только русских поэтов, переводная поэзия не вызывает никакого интереса. Более того, почти вся поэзия — это Серебряный век. Если здесь можно говорить о лидерах, то это С. Есенин — 13 упоминаний, В. Маяковский — 11, А. Ахматова и М. Цветаева — по 9. Имен современных поэтов не названо ни одного, современной поэзии для этих нефилологических интеллектуалов просто нет, как не существует почти ничего из поэзии XIX в. и поэзии советского периода. Любить поэзию, читать хоть кого-то из поэтов — личный выбор, говорить о каких-то нормах здесь нельзя. Отмечу только, что поэзия воспринимается как женская сфера, область интенсивных чувств. Мужское, маскулинное поэзией сегодня не маркируется: о поэтах говорят девушки, а вот юношам такое чтение не по

душе. В список исключений попали только Есенин и Маяковский: они вышли в лидеры (если можно так говорить, учитывая столь незначительное число упоминаний) благодаря тому, что их указали в своих анкетах и мужчины.

Если детектив маркируется как низкий жанр, то фантастика и фэнтези воспринимаются как вполне приемлемая и даже позитивно окрашенная литература — помеченная категориями современности, динамики, свежести проч. В какой-то степени в ценностной структуре изучаемой группы зарубежная переводная интеллектуальная литература и фантастика представляют собой два полюса нормы, дополняя друг друга

Наконец, небольшая часть респондентов (преимущественно молодые девушки) на своей интернет-страничке в число любимых книг включили детскую и подростковую литературу. Лидер здесь, конечно, «Гарри Поттер» Дж.К. Роулинг. Перечисляя взрослые «умные» книги, в качестве «добавки» называли того же «Гарри Поттера», смущенно приписывая: «Куда же без него», «Алису в стране чудес» и проч.

Итак, анализ интернет-анкет молодых интеллектуалов показал, что книги, чтение для них важны, ценны, наличие на страничке перечня книжных названий и их авторов подтверждает принадлежность к данной элитарной группе. Надо сказать, что эти молодые люди в большинстве своем чувствуют себя молодой элитой, всячески, в том числе с помощью принадлежности к книжной культуре, это подтверждая. Однако выяснилось, что в списках литературы на интернет-страничках социальной сети «В Контакте» этих молодых людей видны явные провалы: там крайне слабо представлены современная литература, поэзия, литература «старая», до XX в. А значит, у этих молодых людей очень неглубоки исторические горизонты.

Какие же литературные имена называются чаще всего, какие авторы и книги объединяют группу? Это я попытаюсь показать, рассмотрев имена лидеров по числу упоминаний. В какой-то степени благодаря такому подходу можно объяснить, откуда черпают юные интеллектуалы те ценности, которые выражают, когда становятся постарше, через перечни книг в своих анкетах. Очевидно, что идет «перекрестное опыление», т. е. внутри группы дают советы, что стоит почитать. Но я думаю, что этот канал является главным.

Писатели и книги — лидеры круга чтения молодых интеллектуалов. Взяв списки литературы

из анкет, я произвела расчет количества упоминаний по каждому автору. Выяснилось, что при немалом количестве указанных в анкетах авторов (385), лишь немногие из них названы в большом или относительно большом количестве анкет. Иными словами, момент индивидуальных предпочтений очень велик, но особенно важны те немногие имена, которые означают выраженное предпочтение, а потому и позитивную ценностную окраску внутри группы. 34% упоминаний приходится на 22 авторов, т. е. всего лишь на 3,8% от общего их числа. Этим писателей называли примерно в 10 раз чаще, чем в среднем по всему массиву данных. Сразу отметим, что в список лидеров не попал ни один поэт, а прозаик В. Пелевин оказался десятым по числу упоминаний. Это единственная действительно отмеченная молодыми людьми фигура в современном литературном процессе. В какой-то мере Пелевин является для них символом современной российской литературы, и конкурентов у него нет.

Таблица 5
ПИСАТЕЛИ – ЛИДЕРЫ ПО ЧИСЛУ УПОМИНАНИЙ

Автор	Число упоминаний
1-2. М.А. Булгаков	62
1-2. Э. М. Ремарк	62
3. Ф.М. Достоевский	52
4. А. и Б. Стругацкие	43
5. Дж.Р.Р. Толкиен	33
6. Л.Н. Толстой	28
7. Г. Гарсиа Маркес	26
8. А. Сент-Экзюпери	25
9-10. Э. Хемингуэй	21
9-10. В. Пелевин	21
11. У. Эко	20
12-14. В. Набоков	18
12-14. Ричард Бах (1974)	18
12-14. О. Уайльд	18
15-16. А. Дюма	17
15-16. Р. Брэдли	17
17-18. Дж. Оруэлл	16
17-18. П. Зюскинд	16
19. Дж. Сэлинджер	15
20-21. Г. Гессе	14
20-21. Дж. Остин	14
20-22. С. Довлатов	14
Доля в числе упоминаний	570 (33,9%)

Среди 22 лидеров только семь – русские писатели, 15 – зарубежные, но зато трое из них

(братья Стругацкие – единый автор) находятся в самой верхней части списка. Поразительно, но только два писателя из этого своеобразного топ-листа относятся к XIX в. – Достоевский и Толстой, больше никто из русских и зарубежных классиков ценностно не маркирован и не попал в список. Более того, в интервью один из молодых людей, анкета которого попала в массив данных, охарактеризовал мне Достоевского так: «Какой же это XIX век, конечно двадцатый». И это звучало как явная похвала писателю, «перешедшему» в современность из слишком уже далекого для этих молодых людей XIX в. Что касается Джейн Остин, то ее роман «Гордость и предубеждение», который называют исключительно девушки, в их списках заменяет «неприличные» для данной группы женские любовные романы.

Разумеется, это случайность, но абсолютно равное (и очень большое) число упоминаний пришлось сразу на двух писателей – М. Булгакова и Э. М. Ремарка. У Булгакова абсолютное большинство упоминаний приходится на «Мастера и Маргариту», все остальные произведения упоминались считанное число раз. Например, «Собачье сердце» – трижды. А вот у Ремарка читают разные романы, назывались почти все, и выделить самый популярный невозможно. Если бы перечень в одной анкете из трех-пяти романов Ремарка я считала не за одно упоминание, то число упоминаний превысило бы 80. Ремарк был культовой фигурой в 1950–1960-е гг., потом интерес к нему заметно снизился, а в последние годы снова резко вырос у молодежи. Ремарка читают, его книги покупают, он находит отклик в сердцах. Его проза, которая казалась излишне сентиментальной, стала востребованной современными юными интеллектуалами, в том числе весьма прагматичными и рациональными студентами-экономистами и теми, кто уже завершил обучение в экономических вузах и нацелен на мир бизнеса. По-видимому, чтение таких произведений несколько смягчает жесткость и рациональность, позволяет позиционировать себя как людей тонких и чувствительных.

Если произведения Ремарка вызвали читательский бум в 1950-е гг., то «Мастер и Маргарита» – феномен следующего десятилетия, 1960-х гг. Известно, что сегодня резкий рост интереса к книгам обычно связан с показом успешных телесериалов. В данном случае этот механизм особого значения не имел. «Мастера и Маргариту» большинство из назвавших роман полюбили еще в школе, до появления по-

пулярного сериала. Напротив, интерес именно к «Гордости и предубеждению», вероятно, все-таки связан с многочисленными экранизациями этого сочинения.

Достоевский оказался на третьей позиции с 52 упоминаниями, Толстой – на шестой (он почти в 2 раза уступил Достоевскому по числу упоминаний). Читать Достоевского или говорить, что читаешь его и любишь его произведения, считается в этой среде очень «круто», воспринимается как свидетельство высокого интеллекта и принадлежности к элите. К тому же для молодых интеллектуалов, ориентированных в большей степени на Запад и западную литературу, очень важен ставший общим местом успех этого писателя за рубежом.

Отметим, что среди авторов, пишущих в жанре фантастики и фэнтези, с большим отрывом лидируют братья Стругацкие. Они значительно опередили по числу упоминаний даже автора «Властелина колец» и «Хоббита», хотя в молодежной среде, особенно несколько лет назад, было очень популярно движение толкиенистов. У Стругацких называют много разных произведений, но особенно часто «Трудно быть богом» и «Понедельник начинается в субботу», которые пользовались большой популярностью у технической интеллигенции в 1960-е гг. Отметим также успех у этой группы молодежи произведений Маркеса, Сэлинджера, Хемингуэя, Сент-Экзюпери, Ричарда Баха (особенно «Чайки по имени Джонатан Ливингстон»), Гессе (прежде всего, «Игры в бисер») – все они пользовались огромным успехом у советских

читателей, главным образом в среде технической интеллигенции в 1950-е – 1970-е гг.

Во время перестройки и раннего постсоветского периода из произведений 22 авторов-лидеров были опубликованы только «1984» Дж. Оруэлла, «Парфюмер» П. Зюскинда и сочинения У. Эко. Написанный более 60 лет назад роман Оруэлла является почти обязательным в списке любимых книг молодых либералов, Эко маркируется как символ современной интеллектуальной литературы.

В целом список авторов-лидеров читательского спроса показывает: с точки зрения литературных предпочтений молодые интеллектуалы не ищут никаких новых идей, а книги, написанные ранее XX в., вообще их практически не интересуют. В этом смысле горизонты таких читателей довольно бедны. Однако более важным представляется то, что литературные предпочтения этой группы – плоть от плоти их отцов и дедов, советской интеллигенции. Значит, эти молодые люди воспринимают идеи того времени, они созвучны их представлению о «настоящей литературе». Если интеллигентские ценности еще сохранились, то в среде этих молодых интеллектуалов, которые работают в экономике, бизнесе, IT-технологиях. Для них сохраняется несомненная ценность литературы, причем той самой, которой зачитывалась советская интеллигенция 1950-х – 1960-х – 1970-х гг. Она утратила свое влияние в обществе, но ее ценности пока еще существуют в элитарной молодежной среде, не ищущей новых смысловых ориентиров.